

Воронежская поэзия последнего полувека содержит в себе имя, чьё присутствие в литературе Черноземья повлияло на многие художественные пути. Речь идёт о Михаиле Болгове, который известен также под творческим псевдонимом Композитор. В середине 1970-х годов он стал негласным вожаком молодых поэтов – участников литературного объединения при Воронежской организации Союза писателей. Густая, почти вулканическая образность его лирики и властность поэтической интонации обладали редким магнетизмом и неуловимо воздействовали на вполне самобытные поэтические опусы лирических соратников, оставляя в их текстах приметы болговского словоупотребления или же постановки голоса.

В те годы Композитор был безоговорочным приверженцем белого стиха и верлибра, который в его транскрипции обладал поэтической убедительностью редкой силы. Пружина той или иной лирической истории мастерски растягивалась автором до необходимой точки – и потом моментально «схлопывалась», сжималась в финале стихотворения, давая его эмоциональный итог и смысловую развязку поведанной истории. Как правило, эти стихи были отчётливо сюжетными, их действие происходило в отвлечённом метафорическом пространстве и к зримой действительности имело только ассоциативное отношение. Для поэзии подобное построение лирического рассказа вполне закономерно – образность жанра даёт автору в этом смысле все возможные права. Здесь важно лишь одно: сюжет не должен уходить от действительности слишком далеко, дабы читатель-слушатель не утратил желания иметь дело с увлекательным и ярким материалом, но всё-таки – отчасти непонятным и потому – не близким. В последнем случае определяющую роль играет постановка голоса поэта – как звуковая, так и личностная.

Болгов обладал редчайшим свойством интерпретировать жизненную историю как вневременную и над-пространственную, когда все социальные указатели в тексте становились не прямыми, а косвенными, и более того – образными.

В стихотворении «Исповедь Композитора» показан процесс возникновения музыки как Вселенной, в которой из непостижимой бытийной смеси появляется время, звук, мелодия и композиция мира, чьи черты пока только робко угадываются:

Пузырями нот вскипала музыка...
И выпал год, как пропуск её такта...
Её развалин стон – мелодиоугу душит...
Уставились пустые глаза нот
В её ввалившийся мертвот...

Напротив, «Рассказочка» основана на русской традиции сказа, и каждый смысл, появляющийся в строке в свою очередь, замечательно прост и выразителен:

По степи гулял ветер северный,
Собирал букет полевых цветов.
Собирал букет своей злой жене
Вьюге северной, душесгубливой.

Он дышал на них – цветы вянули,
Прижимал к себе – стебли лопались,
Перебрал всю степь по цветочку он,
До листочка всю до последнего.

Он унёс цветов ровно полстепи,
Ровно полстепи не цветёт теперь,
Удивить хотел север пасмурный
Красотой земли, её запахом...

Плотная, порой подавляющая смысловое начало образность свойственна целому ряду произведений поэта тех лет. Чем-то она напоминает начального Маяковского, за одним исключением: перед нами – верлибр, а не регулярный стих. Уже название одного из стихотворений подтверждает такое наблюдение: «Поцелуй железными губами». Но, фактически, в то же самое время Болгов пишет вполне прозрачную миниатюру «Небо задумалось». В последующие десятилетия в его творчестве «пастозный образный мазок» будет постоянно соседствовать с выверенной линией «сюжетного рисунка».

Постепенно верлибр в поэзии Михаила Болгова начинает уступать место сказовому развитию сюжета, обретающему более обширные мистические границы и пути собственного развития. Разговорная речь и просторечие легко уживались в художественном пространстве с отвлечёнными понятиями и всё более строгими рифмами, которые дисциплинировали версификацию и сообщали творческому облику автора какие-то новые, прежде ему не свойственные черты. Так, поэма «Змей-присуха» в формальном отношении уже довольно далека не только от феерических вещей первого творческого периода поэта, но и от поразительной по звучанию и игре словами драматической баллады на почвенном материале «Воронежье»:

Воронежье
воронеживое воронежное
воронежелезная твоя воля
воронежеланная твоя доля

На белой груди перо брошено
Вороно перо воронá крыла
На конце пера капля кровная
Вороной крови да запекшейся

А в белых ногах то само крыло
Переломано да истоптано
Да черным-черно черней ворона
И вороной луны в небе с проседью

Воронежия небыли
Воронежили-небыли
воронеживыми
воронежными

С самых первых поэтических опытов Композитор демонстрировал редкую способность к словотворчеству, которая со времён Велимира Хлебникова как будто и не появлялась в последующей русской поэзии. Эпизодические вкрапления звукописи в стихах некоторых поэтов модернистского толка были, скорее, данью литературной моде, нежели органической склонностью автора к концептуальному использованию этого художественного средства. Неловкие строки Вознесенского, как реверанс отечественному авангарду первой четверти прошлого века, тут лучший пример. Тогда как для Михаила Болгова в середине 1970-х годов такое движение поэтической мысли и её предметность оказались формой реализации литературной стихии русского языка. Одновременно сюжеты Композитора склонялись к мифу всё более определенно и осознанно. По существу, его дальнейшее творчество стоит на двух китах: сказовой интонации и мифе, который становится универсальным увеличительным стеклом для изображения любой жизненной коллизии.

Заметим, что верлибр Композитора энергичен, последователен в сюжетном развитии, образно уравновешен внутри самого себя и всегда организует смысловое поле стихотворения.

Разъединены
Разъедены мы будем
Опущенные в кислоту времён
мы растворимся в ней
собой нейтрализуем
и больше кислоты
не ощутим

И наше время
станет
безопасным

Ни язв
и ни ожогов
не оставит

Ни у кого
кто будет им
на Сон Грядущий
омываем

И мы стечём
за каплей
капля

С бескровных лиц
с холодных тел
и ног

Этот давний пример на редкость актуален, поскольку ныне свободным стихом называют любую инертную словесную пену, претенциозно распределённую по строкам якобы стихотворения. Между тем стремительное творческое развитие привело Михаила Болгова к почти принципиальному отказу от этой поэтической формы к концу семидесятых. Фактура его лирики, постепенно наполняясь рифмой и более строго организованным высказыванием, пройдя ряд промежуточных этапов, превратилась в регулярный стих, порой даже излишне скованный ритмико-синтаксической структурой. И как следствие – творческое воображение Композитора оказалось на многие годы загнипнотизировано драматургией сонета.

Стоит заметить, что внутренняя свобода поэта, прежде апробировав себя в самых разных лирических ипостасях, утвердилась в системе образов и определила наиболее важные смыслы. Наверное, кому-то стихотворения Композитора покажутся предельно отвлечёнными от действительности. Однако пространство мифа, в котором живёт художественное alter ego автора, требует от читателя доверия – и тогда в его ладони упадёт «криптографический ключ», который позволит ему открыть вход в мир этой ни на что не похожей поэзии.

Вот один из первых опытов в такой системе, которая впоследствии будет испытывать самые разные преобразования, сознательно ведущие к расширению драматургических возможностей сонета и извлечению совершенно новых интонационных оттенков благодаря особенностям его построения.

ДАКТИДИЛЛИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Одно сознание первозданной истинности,
И – всё уступит самородку в драгоценности.
Он создан в чистоте случайной дерзостью,
Без всё и вся легирующих примесей.

Но неуютен мир и мне, и человечеству,
Как неуютен сей сонет Дактидиллический,
Из-за того, что бедн находкой редкостной,
Будь то алмаз иль чувство кристаллическое.

Родившийся заведомым старателем,
Покорный слову, как инстинкт, дремучему,
Ищу неведомые россыпи кристалльные.

Но все нейдут на ум волшебные созвучия,
Которые б сложил я в заклинание,
Подобное велению: «По-щучьему...»

Тематика сонетных вариаций Композитора довольно широка. В ней есть циклы о любви, многие вещи погружены в творческий обиход стихотворца, иные – по-новому интерпретируют сюжеты мировой мифологии. И почти везде властный голос автора оказывается той нитью, на которую нанизаны различные толкования, ракурсы и взаимоотношения певца с Музой русской поэзии. Умозрение соседствует с предметами вполне лапидарными, мимолётные отсылки к смыслам сложным, не лежащим на поверхности, не очевидным для человека нашего времени, – погружены в развёрнутые рассуждения поэта о существовании вопроса, который его занимает.

В современной русской поэзии примеры лирического размышления над проблемой, которая не даёт покоя автору, встречаются крайне редко, хотя полвека тому назад похожие сюжеты были привычным обыкновением – скажем, поэмы и стихи Василия Фёдорова. Однако почти всегда тема развивалась в рамках вольного повествования, в крайнем случае, использовалась та или иная авторская строфа.

«Сонетный узел» Михаила Болгова развёрнут вокруг онтологического вопрошания: для чего живёт на земле человек? Форма этого произведения напоминает венок сонетов, но является объединением 14-строчников, связанных между собой только драматургией лирического монолога. Разговорность интонации, казалось бы, совершенно не свойственная практике сонета, здесь царит изначально и является тем способом, который может оживить классическую структуру, одновременно взяв на вооружение свойственное ей противоборство смыслов.

Допустим, что уже вполне реально
Ты отыскал в космической пустыне
Собратьев по уму, сдружился с ними,
И всё, что вы творите, – гениально:

Весомо, зримо, сплошь материально!
Какие корабли! Какие дыни!
Какие женщины!.. И не рабыни!..
Во всём единство форм и содержания!

Шедевры сплошь – стихи, и – сплошь! – картины!
И музыка вся-вся сплошь гениальна!
Труд – радостен! Стремление – вертикально!
Какое счастье жить и быть такими!
Чтобы и впредь, как это ни фатально,
Жить, чтобы лучше жить!..
Чего во имя?!

<...>

И у меня вопросов больше нету,
Чего во имя жизнь свою прожить,
Какую видеть цель, чему служить
И что вычёсывать из головы планеты.

Так затянулся узел мой сонетный.
Кто хочет убедиться –
развяжи.
А развязав и уличив во лжи –
Хоть вей верёвку вздёргивать поэта...
Феци квод потуи ¹.
Но индуизм
С наукой нынешней мне всё ещё пророчат
В конце пути грядущий катаклизм:
Пралайю – он,
она – сверхплотный ком!..
И вижу вдруг, как Правнук – мой – хохочет!
И, глядь, пошёл совсем другим путём!..

Лёгкая ирония в позднейших стихотворениях Композитора, кажется, отодвигает в сторону драматизм его творчества ранних лет. Противоборство добра и зла, любви и равнодушия, душевной широты и нравственной узости становится у него почти невидимым, уж во всяком случае – не акцентным. Само это обстоятельство важно понять, оглядываясь на картину современной поэзии, которая трагедийна и печальна сегодня почти по умолчанию. Редкий жизненный оптимизм и душа автора, настроенная на творчество, понимающая вдохновение как океан энергии, из которого в мгновения упадка сил можно получить поддержку, – это не только особенность и даже не совсем свидетельство таланта, скорее – характеристика личности.

В стихах Михаила Болгова облики света и тьмы обозначены порой с удивительными деталями, и такая пунктуальность глаза и мысли, вкупе с образной свободной речью, говорит о даровании поэта куда весомее, нежели иные публицистические построения в рифму.

Упрёки в рациональности поэтического ума – почти дежурные сентенции в адрес Композитора. Они впервые прозвучали в восьмидесятых годах прошлого века и не затихли до сих пор. Между тем самобытность и уникальность этой фигуры очевидна, и её нужно принимать как некую художественную данность. Примерно так же укорительно век тому назад Александр Блок говорил о Николае Гумилёве, что совсем не отменяет драгоценный вес последнего имени в истории русской литературы.

Михаил Болгов – бессменный председатель воронежского клуба поэтов «ЛИК»². Его идеи и концепции, словно некий художественный циклон, как уже упоминалось, вовлекали в сферу своего влияния многих авторов Черноземья, чьё творчество при том совершенно не теряло своих ранее признанных достоинств.

Стихотворная переписка членов «ЛИКа», при всей шутовности огромного числа текстов, хранит в себе литературные находки, которые могут украсить любые «серьёзные» строки.

Огромная по объёму редактурная рукопись поэта Валерия Исаянца, поданная читателю как лирика «Поэтарха Айяса», позволила сохранить хаотические черновики этого странного автора, одновременно

¹ Feci quod potui... – Я сделал всё, что мог...

² «Литературный Клуб».

менно показав дистанцию между конечным воплощением его сочинений и изначальным текстом, вышедшим из-под руки бесприютного стихотворца.

Разрозненная лирика Александра Ромахова после внезапной кончины поэта была собрана воедино благодаря неугомонной инициативе Михаила Болгова. И тогда стало возможным издание «Ромкиных» избранных произведений «Солнце тихое» (Воронеж, 2011), где сравнительно широко представлена панорама его творений.

Стараниями Композтора был развёрнут своего рода художественный полигон для исследования выразительных возможностей русского сонета. В этом самозабвенном погружении в стихию давней лирической формы участвовали едва ли не все воронежские авторы из числа «ликов».

Поэтическая судьба Михаила Болгова есть удивительная, ни на что не похожая страница воронежской литературы. В течение десятилетий Композтор как будто представляет собой её теневую сторону и не выходит на официальную авансцену. Однако никогда нельзя с уверенностью сказать, что какое-то имя хоть малой строкой, но останется в истории русской словесности. Примеров забвения качественных литературных имён – великое множество. Михаил Болгов уже своим парадоксальным подходом к творчеству, образами, не оставляющими сознание читателя, заставит академического филолога застыть над псевдонимом «Композтор». А дальше возникнут иные лица и взаимоотношения, иное понимание литературы – никак не альтернативное, но придающее ей необходимую и важную полноту.

Пойти к судьбе. Ударить ей челом.
Преподнести дары – чем наделили
Меня природа, боги и кумиры...
Отдать ей светоч свой, и лиру, и перо.

Златое время. Можно – серебро
Отдать. Коня крылатого. И свиток,
В котором песнь хвалебная излита...
И это – всё, что есть у духа моего.